

УСВОЕНИЕ И РАЗРАБОТКА ЗАИМСТВОВАННЫХ СЮЖЕТОВ В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ (РОМАН ЖОРЖ САНД «ЖАК» И РУССКАЯ ПОВЕСТЬ 1850-х гг.)

Представлены особенности усвоения русской беллетристикой 1850-х гг. сюжета романа Ж. Санд «Жак», популярного в России в 1850-е гг. Сюжет романа рассматривается в качестве продуктивной модели, ставшей не только основой для подражания, но и источником создания различных сюжетных модификаций, способных отразить запрос русской общественной и литературной жизни середины века. В центре внимания – различные принципы работы беллетристики с заимствованным сюжетом: актуализация «вероятностного» потенциала сюжета пре-текста, изменение «валентных» связей сюжетных ситуаций, приводящее к вариативности сюжетной структуры, сюжетный эффект «подражания подражанию» и др. Процесс ассимиляции сюжета, как показано в исследовании, сопровождался активным сближением западноевропейского «чужого» сюжета с сюжетами русской литературы пушкинско-тургеневского направления. В основе анализа повести Е. Тур, С.В. Энгельгардт, Е.А. Лодыженской, Е. Озерского, Н. Николаенко, М.В. Авдеева и др.

Ключевые слова: беллетристика; русская повесть 1850-х гг.; роман Ж. Санд; прецедентный текст; сюжетная ассимиляция; вторичная семантизация сюжета; идеологический комплекс; тип.

Известно, что беллетристика как вторичная литературная система ориентируется на произведения прецедентных писателей. Продуктивным в тот или иной период является ограниченный «набор» текстов. В данном исследовании речь пойдет об одном источнике беллетристики 1850-х гг. – романе Жорж Санд «Жак»¹. Основная задача заключается в определении принципов «работы» беллетристики с «чужим» материалом и выявлении механизмов преобразования западноевропейского сюжета во «вторичной» прозе.

В 1850-е гг. в толстых журналах продолжают появляться переводы произведений Ж. Санд. В «Москвитяине», «Современнике», «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения» публикуется ряд повестей, романов и драм: «Малютка Фадетта», «Господин Руссэ», «Замок в пустыне», «Итальянские артисты», «Проклятое болото», «Волынщики», «Замок Мон-Ревеш», «Крестница», «Лора», «Безутешная», «Даниелла», «Зеленые женщины», «Найденыш», «Красавцы Буа-Дорэ», «Жан де ля Рош», «Нарцисс», «Он и она», «Флавия». Однако появление этих произведений не создает культурного резонанса. В 1850-е гг. в России интерес демократической молодежи продолжают вызывать романы «Лукреция Флориани», «Жак» и «Орас»². Особенно актуальным в данный период является роман «Жак». В беллетристике появляется волна произведений, написанных с очевидной ориентацией на него³.

Западноевропейский сюжет в процессе ассимиляции преобразуется в сюжетный комплекс, который включает идеологический компонент (определенную идею романа); героя-идеолога; сюжетный рисунок, раскрывающий характерологию этого героя. В результате транспонирования в новый контекст каждый компонент данного комплекса изменяется, сохраняя узнаваемые черты, свидетельствующие о связи с пре-текстом.

Актуальной в русской публицистике и беллетристике 1850-х гг. является тема брака, развитая в сюжетной линии главных героев романа Ж. Санд (Жак – Фернанда). Продуктивными в русском контексте оказываются мысли, высказанные Жаком в шестом письме к Сильвии: брак, по мнению героя, «одно из

самых варварских установлений, которые создала цивилизация»; он будет уничтожен в обществе и заменен «более человечными и не менее священными узами», которые не сковывают свободу мужа и жены [5. С. 34]⁴.

Продуктивность романа «Жак» обусловлена тем, что идеологическая «программа», развитая в нем, содержит пустоты, которые позволяют ее заполнять. Говоря о счастливом браке, Жак не называет его принципами, за исключением того, что женщина должна быть спокойна и свободна: «<...> я хочу дать моей жене счастье, неведомое женщинам, хочу, вопреки правилам общества, которое я презираю, дать ей те блага, в которых оно отказывает женщине» [Там же. С. 35]. В процессе ассимиляции идеологические «пустоты» заполняются иной информацией. Однако эта «новизна» вторична: новые идеи образуются в результате переосмысления «чужого» материала. Используя идеи брака, развитые в романе, русские беллетристы уточняют правила общества, которые нарушает просвещенный герой, дают свое представление о счастье женщины в браке и тех благах, в которых ей отказывается. В рассматриваемый период формируется своего рода «формула счастья» женщины: брак с мужчиной, который является другом, любовником и родителем. Приведем репрезентативный фрагмент повести Е. Тур «Долг», в котором представлена данная «формула»: «<...> мы вполне составили счастье друг друга. Ты знаешь, как давно, как долго любил он меня; и я полюбила его также, полюбила без тревоги и страсти, – и много нашла в нем: и заботливость друга, и любовь мужчины, и нежность неизменную, бесконечную нежность матери. Он залечил раны больного сердца, уничтожив остатки тревог, и отучил меня бояться каких-то новых несчастий, неизвестных, но угрожающих мне беспрестанно <...>» [6. С. 6]. В повести Е.А. Лодыженской «Неудавшаяся жизнь» героиня представляет счастье в браке аналогично приведенному: «<...> она бессознательно мечтала о какой-то тихой, нежной, отеческой привязанности, которую невольно идеализировала. Она представляла себе семейную жизнь в виде какого-то тесного слияния душ. Сочувствие, доверие, дружба заменяли для нее слово

любовь <...>» (курсив автора. – А.П.) [7. С. 393]. Характерно, что сходное определение супружеского счастья развивается также идеологами демократической среды 1850-х гг. Например, в «Дневнике моих отношений с тою, которая составляет теперь мое счастье» Н.Г. Чернышевский так представляет счастье с О.С. Васильевой: «Я буду любить ее, как отец любит свою дочь, и как муж любит свою жену, и как любовник любит свою милую» [8. С. 513].

Влияние романа Ж. Санд «Жак» на формирование представлений о браке в русской публицистике и беллетристике 1850-х гг. опосредовано целым рядом литературно-критических источников. В рассматриваемый период в «толстых» журналах появляется различного рода материал, в котором развиваются темы, связанные с эмансипацией женщин. Интересующая нас тема входит в этот идеологический комплекс как частный и периферийный элемент. В центре внимания критиков, рассуждающих об эмансипации, находится проблематика, связанная с творческими возможностями беллетристок. В 1840-е, а затем и в 1850-е гг. происходит разрушение сформировавшегося в критике и беллетристике 1830-х гг. представления о женщине-писательнице как монстре, отказавшемся от своего предназначения быть женой и матерью и взявшегося не за свое дело (см. подробнее [2]).

Обозначим журнальный контекст, на фоне которого выходят повести, ориентированные на роман Ж. Санд «Жак». Лейтмотивом литературной критики исследуемого периода (и в этом проявляется ориентация на предшествующий период) является рассуждение о «непредвзятой» оценке творчества беллетристок. Характерный пример встречаем в «Обзоре русской литературы 1850 года», размещенном в «Современнике» в 1851 г. Рецензент, анализируя новую повесть Е. Тур «Ошибка», отмечает, что современная критика «...смотрит одними и теми же глазами на труды как писателей, так и писательниц» и не приходит в восторг, встречая произведение, принадлежащее женщине [9. С. 50–51]. Однако стремление «уравнять» права мужчины и женщины в литературе в действительности не всегда реализуется. Так, в 1850 г. в «Современнике» выходит статья Д. Мацкевича «Заметки о женщинах». Ее автор пишет, что, несмотря на тенденцию считать мужчину и женщину равноправными, они обладают различной природой, не позволяющей им занимать одинаковое положение не только в обществе, но также в беллетристике. По мнению критика, важным отличием является способность мужчин к творчеству и, напротив, неспособность женщин создавать произведения искусства: «В идеях совершенно отвлеченных женщина при пособии науки может усвоить себе понимание, но редко возвыситься до творчества <...> Женщины умны как истолкователи, но могущество их останавливалось и всегда останавливается там, где начинается творчество» [10. С. 57]. Приведенные выводы Д. Мацкевича подтверждаются оценкой современной критики. В «Письмах иногороднего подписчика о русской журналистике» (Письмо 23), опубликованных в «Современнике» в 1851 г., приводится любопытный с инте-

ресующей нас точки зрения факт. Иногородний подписчик (А. Дружинин) отмечает, что авторство романа «Джен Эйр» вызвало недоверие у современных читателей. Критики не хотели верить, что это произведение, как и роман «Шерли», отличающееся «сжатостью рассказа», «умеренностью красок», глубокою многосторонностью, принадлежит девушке. Несмотря на то что в указанных статьях отсутствуют прямые рассуждения о положении женщины в браке, данная тематика косвенно задается в разборах. Критики уже не говорят о том, что единственным предназначением женщины является семья, т.е. забота о муже, воспитание детей и управление хозяйством.

На рецепцию идей романа Ж. Санд в 1850-е гг. влияет появление прецедентного текста, «русского» варианта западноевропейского романа. Мы имеем в виду повесть А.В. Дружинина «Поленька Сакс». Упоминания о ней встречаются в литературной критике не только конца 1840-х, но и 1850-х гг. В «Воспоминаниях» А.Я. Панаева отмечает, что повесть вызвала живое обсуждение в их кружке, и приводит мнение И.С. Тургенева: по мнению писателя, произведение А.В. Дружинина должно занять центральное положение в беллетристике, вытеснив «Бедных людей» Ф.М. Достоевского и «Обыкновенную историю» А.И. Гончарова на периферию: «Положительно везет “Современнику”! Вот это талант, не чета вашему “литературному прыцу” и вознесенному до небес вами апатичному чиновнику Ивану Александровичу Гончарову. Эти, по-вашему, светила – слепорожденные кроты, выползшие из-под земли: что они могут создать? А у Дружинина знание общества; обрисовка Поленьки Сакс художественная, видишь гетевские тонкие черты, а никто в мире, кроме Гёте, не обладал таким искусством создавать грациозные типы женщин. Я прозакладываю голову, что Дружинин быстро займет место передового писателя в современной литературе...» [11. С. 191]. Рецензент «Современника» в 1848 г. отмечает, что «первая повесть г. Дружинина “Полинька Сакс” была принята почти как необыкновенное явление, почти с таким же единодушным одобрением, с каким принимались некогда повести и рассказы Гоголя». Однако, отмечая успех повести А.В. Дружинина, критики указывают и на ее подражательность. Например, А.А. Григорьев замечает, что «Поленька не представляла ничего нового, характеры этой повести напоминали характеры других повестей – и в особенности характер главного героя сбивался часто на характер Зандовского Жака» [12. С. 258].

Появление прецедентного вторичного произведения влияет на ассимиляцию пре-текста. Беллетристы используют идеи, развитые не только в романе «Жак», но и в повести «Поленька Сакс», заимствуют изменения, происходящие с идеологическим комплексом в тексте-подражании. В связи с этим повести 1850-х гг., ориентированные на роман Ж. Санд, целесообразно классифицировать как «подражания подражанию». Основываясь на материале беллетристики 1850-х гг. и учитывая влияние повести А.В. Дружинина на нее, представим основные принципы модификации идеологического компонента романа

Ж. Санд «Жак» в текстах второго уровня вторичности (т.е. в текстах, ориентированных не только на претекст, но и на текст-подражание).

Заимствованные идеи, ассимилируясь в русской литературе, существенно изменяются. Идея свободы супругов в браке, наиболее близкая русским читателям, модифицируется. В процессе ассимиляции происходит смещение. В «русском» варианте подчеркивается, что свободной в браке должна быть женщина. Как пишет Н.Г. Чернышевский в дневнике, «...когда палка была долго искривлена на одну сторону, чтобы выпрямить ее, должно много перегнуть ее на другую сторону <...> порядочный человек обязан <...> ставить свою жену выше себя» [8. С. 444], в результате этого в будущем возможно равенство мужа и жены. Смещение фокуса с мужчины на женщину выражается в перемещении сюжетного акцента с благородного мужа на изменившую жену. В повестях часто центром сюжета становится героиня, а не герой. Репрезентативный в этом отношении пример – повесть Е. Тур «Долг», в которой сюжетная линия мужа сведена к одному событию – отъезду из дома.

Смещение акцента приводит к актуализации тематических элементов, связанных с героиней. В отличие от «западноевропейского», в «русском» варианте на первый план выдвигается изображение тех причин, которые побуждают девушку выходить замуж. Размышления об этом вводятся в заимствованную идейную «ткань», «сцепляются» с ней и начинают тиражироваться как часть перенесенного сюжетного комплекса. Так, смещение фокуса приводит к актуализации экспозиционной части романа, в которой представляется жизнь героини до брака. В результате этого мысль об освобождении женщины через брак, периферийная в романе, в русском контексте становится одной из магистральных: «Я еще молод душою и страстно влюблен в девушку, на которой намереваюсь жениться по двум причинам: во-первых, это единственное средство обладать ею, а во-вторых, единственное средство вырвать ее из рук злой матери и дать ей возможность жить свободно и независимо» [5. С. 34]. Однако интересно, что идея освобождения девушки через брак, намеченная в 1850-е гг., станет продуктивной и массовой в 1860-е гг. после выхода романа «Что делать?». В рассматриваемый период она начинает распространяться в среде прогрессивных молодых людей. Например, Н.Г. Чернышевский, размышляя о причинах, побуждающих жениться на О.С. Васильевой, как и Жак, называет, с одной стороны, желание обладать любимой женщиной, с другой – желание «вырвать из рук злой матери». Данная идея появляется у Н.Г. Чернышевского под влиянием романа Ж. Санд, однако, в отличие от романа, в дневнике идея освобождения девушки занимает центральное место.

В процессе ассимиляции идеи, периферийные в романе Ж. Санд, выдвигаются на первый план. Идея просвещения жены мужем, периферийная в романе, в беллетристике становится центральной. Напомним, что Жак в письмах к Сильвии отмечает, что его жена – милое дитя, которому он станет наставником.

Однако такой элемент, как просвещение героини, в романе отсутствует, что становится объектом рефлексии героя: «О, если бы мне самому было на десять лет меньше, я попытался бы доказать ей, что она не только не движется вперед в своей внутренней жизни, а идет вспять и, стараясь устранить малейшие тернии со своего пути, теряет время, в течение которого могла бы проложить себе новую дорогу, красивее и шире прежней; но мне боязно разыгрывать роль педанта-наставника – я слишком стар и потому не рискую взяться за нее» [5. С. 116]. В новой культуре идея просвещения становится популярна: муж, как правило, представляется наставником жены, ее «учителем жизни». Актуализация этого элемента происходит под влиянием повести А.В. Дружинина «Поленька Сакс».

В повести А.В. Дружинина особый акцент сделан на том, каким образом мужчина просвещает женщину. Муж, желая изменить мировоззрение жены, сформировавшееся в пансионе, дает читать ей романы Ж. Санд, окружает ее изящными предметами искусства: «Невинность, дитя, пансионерка! Все эти слова имеют большой вес между поклонниками женщин, да легче ли мне от этого? И вот уже год, как я стараюсь приготовить милого и дельного помощника измученной моей душе, которая, без шуток, так нуждается в дружбе, в истинной веселости... в потребности болтать от чистого сердца. И вот уже год, как я бьюсь изо всех сил, чтоб оживить эту миленькую статуэтку! Усилия мои далеки, очень далеки от успеха...» [13. С. 15–16]. Однако героиня отказывается от чтения предлагаемой литературы, считая ее безнравственной, и остается холодна к редким картинам и музыке. «Программа» образования, представленная в повести, начинает тиражироваться в беллетристике 1850-х, а затем и 1860-х гг. Например, в романе М.В. Авдеева «Подводный камень» героиня, выйдя замуж за образованного мужчину, охотно поддается его влиянию: «Что касается до Натальи Дмитриевны, то с годами <...> она еще более выиграла. Она развилась и физически, и нравственно. Из полусложившейся <...> девочки вышла высокая, стройная женщина с строго развившимися формами, спокойная, ясная. Беседы с мужем и хорошо направленное чтение развили ее ум, а тихая, счастливая и деятельная семейная жизнь успокоила те тревожные потребности бурь, которые свойственны ее летам и темпераменту» [14. С. 105].

Заимствуя идеи французского романа, беллетристы переносят в повести тип героя, выразителя данных идей. В процессе транспонирования характер благородного мужчины изменяется. Под влиянием повести «Поленька Сакс» его ядерным свойством становятся практичность, положительность. Например, в повести Е. Тур «Заколдованный круг» герой характеризует себя так: «Я слишком положителен, слишком занят, слишком стар, быть может, для нее, а она слишком мечтательна <...> слишком ребячлива для меня. Мне нужна подруга, товарищ, словом – женщина. Мне некогда воспитывать жену, да и достанет ли на это моего терпения?» [15. С. 208]. Приведенный фрагмент составляет комбинация материала, заимствованного из двух источников: акцент на по-

ложительности является отсылкой к повести А.В. Дружинина, нежелание воспитывать жену – к роману Ж. Санд. Чаще всего практичность представлена как положительное характерологическое свойство, однако встречаются исключения. В повести Е.А. Лодыженской «Неудавшаяся жизнь» практичность становится причиной несчастья героини: выходя замуж за старого губернатора, женщина рассчитывает найти тихое счастье. Она подражает героине романа Ж. Санд. Отводя себе роль Фернанды, героиня строит в воображении идеальную картину семейной жизни. Однако, став женой пожилого мужчины, она понимает невозможность реализации романной модели. В сюжет вводятся элементы, аллегорично отсылающие к роману Ж. Санд и в большей степени к повести А.В. Дружинина, однако в повествовании подчеркивается их нелитературное развитие. Оставшись вдвоем дома, жена предлагает читать вслух, однако муж отказывается от этого: «— Нет, благодарю <...> Я привык читать про себя. И он сел к камину и принялся за какой-то роман Загоскина, его любимое чтение. Софья взяла также начатую ею книгу, английский роман, и стала читать. Так провели супруги свой первый уединенный вечер, вдвоем, но порознь!...» [7. С. 395]. В результате брак с практичным пожилым мужчиной приносит героине разочарование.

Доминирующим свойством героини являются ребячливость, детскость. Акцент на нем делается даже в том случае, когда женщина, поставленная в положение Фернанды, не молода. Репрезентативный пример представляет повесть Е. Тур «Долг». Герой, прощаясь со своей женой, замечает: «Есть женщины, остающиеся вечно детьми; взгляни на себя: и морально, и физически не похожа ли ты на дитя? Ты мала ростом, белокура и деликатна, как шестнадцатилетняя девочка, капризна, изменчива и беспечна, как бывают они в эти годы» [6. С. 7]. Беллетристы, заимствуя некоторые свойства жоржсандовской героини (ребячливость, детскость, наивность), тем не менее, существенно преобразуют их. Русские героини, поставленные в положение Фернанды, отличаются силой характера. В повестях наблюдается синтез свойств героини Ж. Санд со свойствами Татьяны Лариной. В повести Е. Тур «Две сестры» герой так описывает характер девушки: «Она говорит, что ей двадцать пять лет, и на лицо больше ей нельзя дать; ну а по характеру она будет старше иной тридцатипятилетней – так она тиха, молчалива, задумчива...» [16. С. 226].

Новой комбинаторикой свойств обусловлен особый сюжетный рисунок. Например, в повести Е. Тур «Долг» героиня, услышав признание молодого человека, как и Татьяна, отвечает, что «она другому отдана и будет век ему верна». Женщина отказывается от счастья из чувства долга. Аналогичный финал коллизии представлен в повести «Неудавшаяся жизнь». Героиня, влюбленная в мужчину, не желая изменять мужу, признается: «Вы понимаете, что и я люблю вас... Но считаю это... преступлением. Я замужем, я связана, на век связана!... я не могу принадлежать другому и прошу вас... требую от вас, чтобы вы уехали отсюда и навсегда!...» [7. С. 425].

Причины, по которым роман «Жак» становится программой, учебником жизни для просвещенной молодежи, заключаются в том, что в нем не только прямо озвучиваются революционные идеи брака, но и представляется новая модель поведения супругов, дается прямой ответ на вопрос, что нужно делать, чтобы достичь семейного счастья. Сюжетная схема, представленная в романе, в связи с этим начинает переноситься в жизнь. Известно, например, что Н.П. Огарев, А.И. Герцен, И.И. Панаев, Н.Г. Чернышевский в семейной жизни ориентировались на роман французской писательницы. Узнав о том, что женщины, связанные с ними браком, влюблены в других мужчин, они отказывались от счастья и предоставляли женам свободу.

Обращаясь к идеологическому уровню романа Ж. Санд, перенося некоторые идеи в русский контекст, беллетристы закономерно воспроизводят сюжетный рисунок, в котором эти идеи раскрываются в пре-тексте. В связи с этим продуктивность западноевропейского романа обусловлена также особенностями построения его сюжета. Сюжет романа Ж. Санд довольно легко изменяется в процессе транспонирования, что упрощает процесс его ассимиляции. «Легкость» этой модификации связана с некоторыми закономерностями его построения. Сюжет западноевропейского романа держится на двух сюжетных центрах (Жак и Сильвия), с которыми связываются две магистральные сюжетные линии. В русской литературе они «рассекаются», становятся самостоятельными и сюжетообразующими. Данное изменение происходит в результате того, что связь между сюжетными линиями в исходном тексте весьма опосредованна, лишена жесткой причинно-следственной связи на фабульном уровне.

Ассимиляция западноевропейского сюжета сопровождается редукцией его частей. В процессе переноса разветвленный западноевропейский сюжет упрощается до сюжетной ситуации *супружеская измена*, в которой высвечивается сюжетный элемент, связанный с поведением мужа, узнавшего об измене жены. Сюжетная концепция русских повестей та же, что в романе Ж. Санд «Жак»: герой, образованный и немолодой мужчина, влюбляется в девушку, которая значительно младше его, и делает ей предложение. Героиня дает согласие. Несмотря на разницу в возрасте, она влюбляется в жениха, восхищается его прогрессивными взглядами. Семейное счастье сменяется разочарованием. Появляется молодой человек, обладающий мировоззрением, более близким героине. Они влюбляются друг в друга. Их чувства становятся известны мужу. Герой страдает. Невзирая на свои чувства и убедившись в том, то он становится помехой счастью жены, уступает ее сопернику и самоустраняется.

Изменения западноевропейского сюжета влекут за собой редукцию любовной коллизии. Известно, что основу сюжета романа «Жак» составляет любовный четырехугольник, углами которого являются персонажи, образующие зеркальные пары. В процессе транспонирования происходит редукция любовного четырехугольника. В беллетристике четырехугольник

преобразуется в устойчивый треугольник: муж, жена и любовник.

Продуктивность западноевропейского сюжета может быть объяснена, в частности, заложенным в нем вероятностным потенциалом. Способность генерировать оригинальные сюжеты обусловлена наличием возможных вариантов развития центрального положения, которые заключаются в сюжете пре-текста. В романе Ж. Санд «Жак» реализуется один из вариантов разрешения любовной коллизии: устранение героя через самоубийство. Однако при этом в сюжете намечен целый веер потенциальных вариантов разрешения коллизии: так, равноправными с реализованным вариантом являются такие, как сохранение интриги и ситуации измены жены мужу (Октав предлагает беременной Фернанде ждать времени, когда Жак постареет и умрет или когда произойдет несчастный случай), возвращение жены к мужу (Сильвия в письме к Жаку говорит о том, что муж должен оберегать жену от любовника и что впоследствии изменившая женщина вернется к нему, так как в ней сильна прежняя привязанность). Наконец, самоубийство героя в финале наделено большой долей «вероятности». Напомним, что роман заканчивается таким образом: «Горцы, у которых он остановился, сообщили властям своего кантона, что проживавший в их доме иностранец исчез, оставив у них свой саквояж. Поиски не привели ни к каким результатам <...>» [5. С. 288]. Беллетристика, используя «чужой» материал и генерируя из него нечто новое, лишается вероятностного продуцирующего потенциала. В повестях происходит «разворачивание» возможностей, заключенных в сюжете пре-текста.

Главное изменение, которое происходит с западноевропейской сюжетной схемой, – замещение финала. В беллетристике случаи самоубийства героя не обнаружены. Можем предположить, что отказ от этого разрешения обусловлен, в частности, маркированностью самоубийства как способа выхода из любовного треугольника «муж, жена и любовник». Так, в русской литературе сентиментализма, романтизма самоустранение одного из участников любовного треугольника – тривиальная развязка. Варианты разрешения коллизии, данные в повестях 1850-х гг., представляют собой реализованные возможности сюжета романа «Жак». Выявлены следующие варианты.

В повести «Поленька Сакс» представлен вариант, намеченный в письме Сильвии. Константин Сакс, уступив жену любовнику, продолжает следить за ними, оберегать свою бывшую жену: «<...> вы разом отняли у меня жену и дочь. Вы отняли жизнь мою. Не думайте, что ребенок этот даром вам достался: я не надеюсь на вас! Помните, что б вы ни делали, два глаза будут смотреть за вами, где бы вы ни были, я буду шаг за шагом следить за вами. Вы берете мое дитя – не женщину. Горе же вам, если мое дитя не будет счастливо» [13. С. 148]. Как и предсказывает в своем письме Сильвия, изменившая жена впоследствии вновь влюбляется в мужа. Однако возвращение к мужу в данном случае не происходит. В романе М.В. Авдеева «Подводный камень», ориентированном

на роман Ж. Санд «Жак» и повесть А.В. Дружинина «Поленька Сакс», любовная коллизия получает благополучную развязку: изменившая жена, разочарованная в любовнике, возвращается к мужу, мужчина принимает ее и помогает начать новую жизнь.

Вариант Октава (ждать смерти мужа) также обнаруживается в беллетристике 1850-х гг. В повести Е.А. Лодыженской «Неудавшаяся жизнь» героиня, желая сохранить верность мужу, настаивает на отъезде влюбленного в нее молодого человека на родину в Финляндию. Герой покидает возлюбленную на том условии, что ему сообщат о смерти мужа. Однако любовная коллизия получает драматичную развязку: по окончании траура героиня отправляет письмо молодому человеку, в котором уведомляет его о том, что она ждет его возвращения, но вместо того чтобы вернуться в город, герой рассказывает ей о своей свадьбе.

Таким образом, роман Ж. Санд «Жак» является для русской беллетристики одним из источников продуктивных идей. Перенос их в русский контекст, писатели заимствуют характеры героев и сюжетный рисунок. Как видно из проведенного анализа, модификация идеологического компонента влечет изменение характерологии героев и трансформацию сюжетной схемы. Однако роль романа Ж. Санд «Жак» в историко-литературном процессе исследуемого периода не ограничена влиянием на трактовку темы брака. Он становится импульсом к разработке новой для русской литературы любовной тематики. Принципы работы беллетристики с заимствованным сюжетом отличны от тех, которые представлены выше.

Беллетристы переносят в русский контекст характерологическую оппозицию, ярко представленную в романе «Жак», *сильная женщина – слабый мужчина* (Сильвия – Октав). Данная оппозиция в процессе рецепции соединяется с оппозицией романа «Орас» (Орас – Марта). Заимствованные характеры существенно изменяются в русской беллетристике. По аналогии с *лишним человеком* слабый мужчина выдвигается беллетристами и критиками на роль героя времени, характерного представителя современного общества. Новый герой, по наблюдению литературных критиков, становится частотным в прозе беллетристов: Е. Тур, С.В. Энгельгардт, А.Я. Марченко, писательниц, ориентированных на Ж. Санд (этих писательниц современники называют «русские Ж. Санд»). Например, в рецензии на роман Е. Тур «Племянница», опубликованной в «Библиотеке для чтения» в 1852 г., данная тенденция выражается наиболее ярко. Рецензент подчеркивает в ней, что беллетристики в сочинениях искажают героя, изображают его неправдоподобно слабым и безжизненным. Однако, несмотря на частотность воспроизведения, *слабый герой* не становится литературным типом. В литературной критике начиная со второй половины 1850-х гг. и литературоведческих исследованиях он представлен разновидностью *лишнего человека*.

Разбирая характеры слабых героев, критики замечают, что беллетристики создают безвольного, бесхарактерного мужчину, для того чтобы на его фоне представить идеал женщины – сильную, самостоя-

тельную героиню. Как правило, женщины, связанные со слабыми мужчинами, наделяются свойствами героинь Ж. Санд. Они также независимы, заняты полезным трудом, образованы и экспрессивны.

Репрезентативный пример представляет героиня повести Е. Тур «Заколдованный круг». Суть фабулы повести состоит в следующем: героиня, воспитанница петербургской дамы, приезжает в провинциальный город в качестве гувернантки (она занимает место для того, чтобы получить независимость). В семье она становится свидетельницей, а потом и невольной участницей любовной истории, разворачивающейся между старшими дочерьми (близнецами) и соседом по даче. Герой, влюбленный в старшую сестру, делает ей предложение, однако героиня, узнав о чувствах младшей сестры, пустой девушки, бледной копии старшей сестры, уступает его ей. Герой покидает обеих сестер и женится на гувернантке.

В повести актуализируется первая часть сюжета романа «Жак»: знакомство героя с героиней, их сближение. Е. Тур, заимствуя эту часть, преобразует ее: герой, в отличие от Жака, не делает ошибку, он не женится на девушке, обладающей иным мировоззрением. Параллельно развивающаяся периферийная коллизия усиливает близость центральной коллизии с сюжетом Ж. Санд. Так, сестра героя представляет собой копию Сильвии: она резка, прямолинейна и эксцентрична. Она, как и героиня романа Ж. Санд, влюбляется в слабого мужчину. Однако, в отличие от «западноевропейского» варианта, в повести «Заколдованный круг» это событие развивается в настоящем времени, тогда как в романе «Жак» героиня переезжает в дом брата, уже разочаровавшись в любви. Драматичная развязка любовной коллизии в пре-тексте сменяется благополучной: героиня выходит замуж за слабого героя. Однако замещение финала сообщает сюжету тривиальность и предсказуемость.

Очевидная ориентация на Сильвию обнаруживается в характере героини повести Е.А. Лодыженской «Неудавшаяся жизнь». Как и героиня Ж. Санд, девушка приезжает в дом знакомого тогда, когда возникает непонимание между супругами. В повести подчеркнуто различие в характере женщин: «Софья очень сошлась с нею, хотя в характерах их была большая разница. Софья была впечатлительна, способна к сердечному увлечению, но робка и не самонадеянна. Надина была смела, решительна, даже несколько горда <...> Все современные мужчины казались ей моральными лилипутами, она смотрела на них, как на игрушки, созданные для ее забавы» [7. С. 402]. Интересно, что свобода, которой наслаждается Сильвия и которой наделяется героиня повести, получает различную реализацию. Если героиня Ж. Санд, несмотря на правила общества, сначала соединяется с возлюбленным, а затем покидает его, то в русской беллетристике эмансипированность девушки выражается только в нарушении правил женского туалета: «Надина была странная девушка. Все в ней было странно: и одежда, и прическа, и походка <...> рукава ее, казалось, принадлежали мужской рубашке. Причесывалась она так, как дамы обыкновенно при-

чесываются для верховой езды, без... гребня <...> Странности ее сначала поражали, но впоследствии глаз привыкал к ним, и всякий поневоле сознавался, что они-то именно придают оригинальность ее красоте <...>» [7. С. 401].

Заимствуя характерологическую оппозицию, беллетристы закономерно переносят в русскую литературу сюжетную схему, связанную с ней в тексте-источнике. В пре-тексте она представлена так: сильная женщина, перестав любить слабого мужчину, покидает его, не сообщая о том, куда она уезжает; герой, потеряв возлюбленную, начинает искать ее. В беллетристике 1850-х гг. любовная коллизия Сильвия – Октав, периферийная в романе, становится самостоятельной и сюжетообразующей.

«Немаловажной особенностью сюжетов западноевропейской литературы является то, что их, как правило, нельзя возвести к одной схеме, – указывают составители Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы Е.В. Капинос, Е.Н. Проскурина, Е.К. Ромодановская, – здесь в действие могут включаться сразу несколько разных сюжетных механизмов, которые прочно срастаются в сознании тех, кто в дальнейшем пытается воспроизвести данный сюжет» [17. С. 4]. Так, сюжет романа «Жак» в процессе транспонирования соединяется с сюжетом романа «Орас», в частности с одной его сюжетной линией (Орас – Марта). В результате этого сращения происходит смещение сюжетных акцентов в заимствованном сюжете: в центре внимания оказывается история ухода героини из семьи⁵, ее соединение с возлюбленным. Как и в романе «Орас», в русских повестях подчеркивается социальное неравенство молодых людей: героиня, как правило, воспитанница в состоятельной семье, герой – состоятельный дворянин, родственник ее благодетельницы.

Актуализация темы социального неравенства приводит к вторичной семантизации западноевропейского сюжета: любовная проблематика, составляющая семантическое ядро сюжета, замещается социально-идеологической. Беллетристы делают акцент на том, что женщина, поставленная в положение Сильвии или Марты, т.е. нарушавшая общественные законы любви и брака, должна стремиться к независимости. Так, героиня повести А.Я. Марченко «Саламандра», став содержанкой состоятельного молодого человека, начинает остро переживать чувство своей несвободы, в частности материальной зависимости: «Из всех жертв, которые я могла ему принести, самой тяжелой жертвой было жить на его счет, потому что эту жертву я вынуждена была совершать сознательно, не в чаду и в порыве чувства, а по неумолимым законам необходимости и неизбежности. Отдавая ему жизнь свою, я вручала себя его чувству, но, пожертвовав гордостью, я надевала на себя цепи зависимости и предавала себя таким образом на всю жизнь себя в руки его великодушия <...> В пылу тогдашней любви своей ко мне он бы хотел окружить меня роскошью, избаловать угодливостью, но он встретил во мне непреклонную волю <...> На таком условии я могла забыть, сколько противоположного моим правилам и

убеждениям было в моей теперешней жизни» [19. С. 48]. В повествовании акцент сделан на том, что характер героини, стремящейся к самостоятельной жизни, подчеркнуто не соответствует тому зависимому положению, в которое она поставлена обстоятельствами. Став содержанкой, она жертвует собой ради возлюбленного. Любовь, нарушающая законы, представлена высшей степенью самоотвержения и самозабвения.

В результате актуализации компонентов сюжета Орас – Марта в заимствованном сюжете появляется новый элемент: женщина, став содержанкой, начинает трудиться, для того чтобы приобрести независимость. В процессе ассимиляции происходит изменение не только сюжета романа «Жак», но и сюжета романа «Орас». Сохраняя «абрис» сюжетного рисунка, писатели замещают сюжетное поведение Марты сюжетным поведением Эжени, любовницы доктора Теофиля. Как и в романе «Орас», героиня повести, став любовницей дворянина, начинает трудиться. В повествование вводится размышление о необходимости труда⁶. Оно представляет собой переложение фрагмента романа «Орас». Напомним, что Эжени, говоря с Орасом о любви к Марте, подчеркивает, что женщины в их положении должны добиваться равноправия. Став любовницей молодого дворянина, она продолжает заниматься шитьем, обеспечивая себе независимое существование.

На ассимиляцию заимствованной характерологической оппозиции, связанной с ней сюжетной схемы влияет «Евгений Онегин». Пушкинский роман становится основой для усвоения и последующего изменения западноевропейского сюжетного комплекса. В процессе ассимиляции заимствованный характер сближается с Евгением Онегиным, приобретает некоторые его свойства. Ядерными свойствами слабого мужчины в русском контексте являются не только слабость или безволие (как в романах Ж. Санд), но также светскость, поверхностное образование, искушенность в любви. При этом отметим, что характеристики героев содержат очевидные аллюзии на роман в стихах А.С. Пушкина. Приведем некоторые примеры.

Так, в повести А.Я. Марченко «Тени прошлого» фрагмент, в котором описывается образование молодого человека, содержит отсылки к «Евгению Онегину»: «...почитать бы что-нибудь, да завязка далеко начинается в этих французских романах; по-английски он не знал, хотя имел Байрона, Шекспира и В. Скотта в переводе. Он говорил о них с толком, как например: “многомолчный В. Скотт”, “определяющий, постигший человеческое сердце Шекспир”; “мрачный, страстный Байрон” <...> и о нем многие были такого мнения, что он человек знавший и читавший много» [20. С. 3].

В повести «Вокруг да около» приведенный фрагмент переписывается с несущественными изменениями: «Он говорил хорошо на трех языках и играл немного на фортепьяно; но что прочел он на этих трех языках? – ничего. Попадались ему под руку книги: он раздвигал их и пробегал без участия несколько страниц, но никогда не мог приковать мысли своей к

их содержанию <...> Он знал, что у немцев были Шиллер и Гёте, у англичан – Шекспир и Байрон; он, впрочем, прочел несколько романов Дюма, прочел Мартена и Парижские тайны <...>» [21. С. 362]. Главный герой повести С.В. Энгельгардт «Деревня», обладая поверхностными знаниями, приобретает репутацию образованного человека: «При коротком знакомстве с ним вы убеждались в перевесе его памяти и восприимчивости над природным умом <...> благодаря непринужденности в обращении и разнообразию в разговоре Радомский вообще *прослыл за очень умного человека*» (курсив автора. – А.П.) [22. С. 2]. По существу, выделенный фрагмент – штамп, восходящий к характеристике Онегина. Беллетристика не только переносит чужой материал в повесть, но также комментирует его: «Многочисленные знакомые Валентина Павловича привыкли называть его *премилым молодым человеком*. Я не терплю этого выражения; оно стало почти техническим, но в моих глазах остается бесцветней самой бесцветной личности. Его точный смысл не ускользает ли от вашего анализа, мой читатель, хотя вы привыкли давать себе строгий отчет в ваших понятиях?» (курсив автора. – А.П.) [Там же. С. 1].

Влияние «Евгения Онегина» на процесс ассимиляции заимствованного сюжетного комплекса влечет утрату связи между характерологической оппозицией и обусловленной ею схемой. Слабый герой и сильная героиня связываются в русской беллетристике с *онегинским сюжетом*⁷. В литературе, ориентированной на роман Ж. Санд, «онегинские» элементы приобретают новую семантику. В ситуации любовного объяснения («Евгений Онегин», глава IV) раскрывается слабость героя и, напротив, сила героини. Решительный шаг Татьяны Лариной, ее признание в любви, становится в беллетристике воплощением женской смелости, самоотвержения. Поведение Онегина, его отповедь в данном контексте интерпретируется как малодушие, оказывается проявлением слабости характера.

Начиная с 1854 г. ассимиляция западноевропейского сюжетного комплекса осложняется воздействием еще одного русского литературного источника. В этот период начинают появляться повести И.С. Тургенева, героем которых является слабый мужчина. Беллетристы обращаются к прозе И.С. Тургенева и начинают использовать его находки наравне с находками А.С. Пушкина и Ж. Санд. Начиная с 1854 г. на ассимиляцию заимствованной характерологической оппозиции начинает влиять «пушкинско-тургеньевский» комплекс. Как известно, используя онегинскую сюжетную ситуацию *отвергнутое признание*, И.С. Тургенев, в отличие от беллетристов 1850–1853 гг., существенно преобразует ее. Так, писатель, подчеркивая взаимную влюбленность героев, делает акцент на том, что молодой человек в решительную минуту пугается чувств героини, не находит в себе силы сказать о своей любви, тем самым делая несчастным не только себя, но и влюбленную девушку. По сути, онегинская сюжетная ситуация, ставшая формульной в интерпретации писателя, преобразуется

в сюжетную ситуацию *русский человек на rendez-vous*. Данная сюжетная ситуация устойчиво маркируется как тургеневская⁸.

Анализируя повести, ориентированные на роман Ж. Санд «Жак», мы приходим к заключению о «переходном» характере изучаемого историко-литературного периода 1850-х гг. Вслед за своими предшественниками, поколением 1840-х гг., «реабилитировавшим» Ж. Санд и ее героинь, следующее поколение также проявляет интерес к прозе французской писательницы. Беллетристы и критики 1850-х гг., как и их предшественники, обращаются к актуальной теме брака, развитой в романе Ж. Санд «Жак». Однако способы работы с заимствованной проблематикой, сюжетом, характерами героев обнаруживают качественное преобразование беллетристики. В повестях пунктирно намечаются «узлы», которые послужат основой сюжетики 1860-х гг., «разночинской» литературы. Просвещение героини, освобождение от домашнего гнета посредством брака с рациональным героем – частотные, продуктивные компоненты *разночинского сюжета*⁹.

На этом основании мы предполагаем, что беллетристика 1850-х гг. не только продолжает традиции литературы 1840-х гг., но и генерирует «новые» век-

торы развития известной тематики. Одновременно с преобразованием «старой» тематики (темы брака) беллетристика 1850-х гг. находит «новый» потенциал в сюжете романа Ж. Санд «Жак», ранее находившийся вне поля зрения писателей.

Назревшая в начале 1850-х гг. потребность в изменении типа героя (критики немало писали о том, что им надоели *лишние* рефлексирющие герои) приводит к попыткам обновления характерологической парадигмы. Одновременно с практичными и рациональными молодыми людьми в русской беллетристике появляется *слабый герой*, образ которого создается с ориентацией на героев романов Ж. Санд (Октава и Ораса). На фоне интереса к теме эмансипации в русскую литературу входит *сильная героиня*, характер которой соединяет черты Татьяны Лариной и жоржсандовских героинь. Новая любовная проблематика (сильная женщина влюбляется в слабого мужчину) становится характерной особенностью, которая определяет доминирующую сюжетику повестей, отражающую интересы историко-литературной эпохи 1850-х гг. По нашим наблюдениям, возникновение и «затухание» этой тенденции целиком очерчивается рамками даного периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изучению влияния романов Жорж Санд на русскую литературу XIX века посвящен ряд исследований [1–3].

² Данное заключение позволяют сделать материалы, собранные О.Б. Кафановой и М.В. Соколовой в библиографическом справочнике «Жорж Санд в России» [4].

³ Назовем произведения, ориентированные на роман Ж. Санд «Жак»: Е. Тур «Долг» (1850), «Две сестры» (1851), «Заколдованный круг» (1854), С.В. Энгельгардт «Деревня» (1853), «Суженого конем не объедешь» (1854), А.Ф. Писемский «Виновата ли она?» (1855), А.Я. Марченко «Вокруг да около» (1855), «Горы» (1856), «Саламандра» (1859), Е.А. Лодыженская «Неудавшаяся жизнь» (1857), Е. Озерский «Наташа» (1858), Н. Николаенко «Чудачка» (1858), М.В. Авдеев «Подводный камень» (1860). Данные произведения послужат основой настоящего исследования.

⁴ В русской публицистике и беллетристике идеи о браке, представленные в романе «Жак», в процессе рецепции сближаются с идеями романа «Орас». Их контаминацию можно объяснить тем, что в романе «Орас» представлен образец брака, который Жаку не удастся воплотить в жизнь с Фернандой. В сюжетной линии Эжени – Теофиль развивается идея свободного брака, в котором супруги связаны не церковными узами, но любовью и взаимным уважением. Однако, несмотря на популярность романа «Орас», в 1850-е гг. продуцирующей основой становится роман «Жак», что обусловлено спецификой построения его идеологической «программы».

⁵ Исследование сюжетной ситуации ухода в русской литературе второй половины XIX в. проведено А.А. Богодеровой [18].

⁶ Приведем фрагмент размышления героини о независимости женщин: «Я понимала, что уметь зарабатывать насущный хлеб – это купить некоторую независимость. <...> Я почувствовала в себе новую силу от сознания, что могу *зарабатывать* деньги. Не смейтесь, это очень важно: вещественная сторона нашей жизни слишком тесно связана с нравственной стороной. Дайте человеку развить в себе сознание, что он может обойтись без посторонней помощи, увидите, какую это разовьет в нем энергию» [19. С. 53].

⁷ Об *онегинском сюжете* в русской беллетристике 1850-х гг. см. подробнее [23].

⁸ Влияние произведений И.С. Тургенева на развитие беллетристики 1850-х гг., героями которой являются слабый мужчина и сильная женщина, останется за рамками настоящей статьи. Это обусловлено, прежде всего, тем, что в фокусе нашего исследования находятся преимущественно повести, опубликованные в первой половине 1850-х гг., до 1856 г. (т.е. до появления романа «Рудин», повести «Ася»), именно в этот период ориентация на прозу Ж. Санд выражена наиболее ярко.

⁹ Состав сюжетной схемы представлен в указателе сюжетов и мотивов русской литературы, составленном Т.И. Печерской и Е.К. Никаноровой [24. С. 82–83].

ЛИТЕРАТУРА

1. Скафтымов А.П. Чернышевский и Жорж Санд // Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках. М.: Худож. лит., 1972. С. 218–250.
2. Кафанова О.Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность) 1830–1860 гг. Томск: Изд-во ТГПУ, 1998.
3. Кафанова О.Б. Русский жорж-сандизм // Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни. СПб.: Наука, 2003. С. 104–144.
4. Кафанова О.Б., Соколова М.В. Жорж Санд в России. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1832–1900). М.: ИМЛИ РАН, 2005.
5. Санд Ж. Жак // Санд Ж. Собр. соч.: в 9 т. Л.: Худож. лит., 1971. Т. 3. С. 7–288.
6. Тур Е. (Салиас-де-Турнемир Е.В.). Долг // Современник. 1850. Т. 24. С. 5–60.
7. Вахновская С. (Лодыженская Е.А.). Неудавшаяся жизнь // Русский вестник. 1857. Т. 14. С. 392–439.
8. Чернышевский Н.Г. Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Худож. лит., 1939. Т. 1. С. 410–547.
9. Обзорение русской литературы за 1850 год // Современник. 1850. Т. 25. С. 33–74.
10. Мацкевич Д. Записки о женщинах // Современник. 1850. Т. 20. С. 52–70.
11. Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1956.

12. [Григорьев А.А.] Критика и библиография // Москвитянин. 1851. Ч. 2, кн. 2. № 6. С. 257–267.
13. Дружинин А.В. Поленка Сакс. СПб. : Изд-е А.С. Суворина, 1886.
14. Авдеев М.В. Подводный камень. Часть вторая // Современник. 1860. Т. 84. С. 103–188.
15. Тур Е. (Салиас-де-Турнемир Е.В.). Заколдованный круг // Отечественные записки. 1854. Т. 92. С. 139–240.
16. Тур Е. (Салиас-де-Турнемир Е.В.). Две сестры // Отечественные записки. 1851. Т. 74. С. 221–292.
17. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 2.
18. Богодерова А.А. Сюжетная ситуация ухода в русской литературе второй половины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011.
19. Марченко А.А. Саламандра // Отечественные записки. 1859. Т. 126. С. 1–98.
20. Марченко А.А. Тени прошлого // Отечественные записки. 1850. Т. 70. С. 1–64.
21. Марченко А.А. Вокруг да около. Часть первая // Отечественные записки. Т. 100. С. 357–416.
22. Ольга Н. (Энгельгардт С.В.). Деревня // Отечественные записки. 1853. Т. 90. С. 1–26.
23. Пономарева А.А. Онегинский код в беллетристике 1850-х годов: к постановке вопроса // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2015. № 3. С. 99–105.
24. Печерская Т.И., Никанорова Е.К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2010.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 ноября 2015 г.

ADOPTION AND DEVELOPMENT OF BORROWED PLOTS IN FICTION (THE NOVEL *JACQUES* BY G. SAND AND THE RUSSIAN NARRATIVE STORY OF THE 1850S)

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 69–78. DOI: 10.17223/15617793/401/10

Ponomareva Anastasia A. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru

Keywords: fiction; narrative story of 1850s; novel by G. Sand; precedent text; plot assimilation; secondary semantization of plot; ideological complex; type.

The paper presents the features of assimilation of the plot of the novel *Jacques* by G. Sand by the Russian fiction of the 1850s. The plot of the novel is described as a productive model which is not only the basis for imitation, but also the origin for creation of various plot modifications. The latter can mirror demands of the Russian social and literary life of the middle of the 19th century. The theme of marriage developed in the plot line of the characters of G. Sand's *Jacques* is topical in the Russian journalism and fiction of the 1850s. The novel is productive because its ideological program contains gaps which allow filling them up. The influence of G. Sand's *Jacques* on the ideas about marriage in the Russian journalism and fiction of the 1850s is mediated by a multitude of literary and critical sources. During this period, magazines publish materials that develop topics connected with women's emancipation. The topic of the author's interest is a particular and peripheral element in this ideological complex. A precedent text, the Russian version of the Western novel, a narrative story *Polenka Saks* by A.V. Druzhinin influences the reception of the ideas of G. Sand's novel in the 1850s. Fiction writers use ideas that are presented not only in *Jacques*, but also in *Polenka Saks*; they borrow the changes the ideological complex underwent in the text-imitation. In this connection, the narrative stories of the 1850s based on the novel by G. Sand are classified as "imitations to an imitation". Fiction writers reproduce the plot "outline" where ideas open in the pre-text. The paper contains a detailed analysis of various principles of the fiction "work" with the Western plot: actualization of the "probabilistic" potential of the plot of the pre-text, modification of the "valency" connections of the plot situations which result in the variability of the plot structure. The role of the novel by G. Sand is not limited by its influence on the topic of marriage in the historical and literary process of the 1850s. It is an impulse to the development of the love theme which is new for the Russian literature. This theme is formed as a result of the transfer of the characterological opposition *a weak man – a strong woman* represented in the novel *Jacques*. The process of assimilation is accompanied by the affinity of the Western plot with the plots of Russian literature of the Pushkin and Turgenyev direction.

REFERENCES

1. Skaftymov, A.P. (1972) Chernyshevskiy i Zhorzh Sand [Chernyshevsky and George Sand]. In: Skaftymov, A.P. *Nravstvennye iskaniya russkikh pisateley: Stat'i i issledovaniya o russkikh klassikakh* [Moral quest of Russian writers: articles and studies on the Russian classics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Kafanova, O.B. (1998) Zhorzh Sand i russkaya literatura XIX veka (Mify i real'nost') 1830–1860 gg. [George Sand and Russian literature of the 19th century (Myths and Reality), 1830–1860-ies]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
3. Kafanova, O.B. (2003) Russkiy zhorzh-sandizm [Russian studies of George Sand]. In: Bagno, V.E. (ed.) *Vozhdi umov i mody. Chuzhoe imya kak nasleduemaya model' zhizni* [Leaders of minds and fashion. An alien name as the inherited model of life]. St. Petersburg: Nauka.
4. Kafanova, O.B. & Sokolova, M.V. (2005) *Zhorzh Sand v Rossii. Bibliografiya russkikh perevodov i kriticheskoy literatury na russkom yazyke (1832–1900)* [George Sand in Russia. Bibliography of Russian translations and critical literature in Russian (1832–1900)]. Moscow: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences.
5. Sand, G. (1971) Zhak [Jacques]. In: Sand, G. *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 v.]. V. 3. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
6. Tur, E. (Salias de Tournemire, E.V.). (1850) Dolg [Duty]. *Sovremennik*. 24. pp. 5–60.
7. Vakhnovskaya, S. (Lodyzhenskaya, E.A.). (1857) Neudavshayasya zhizn' [A Failed Life]. *Russkiy vestnik*. 14. pp. 392–439.
8. Chernyshevskiy, N.G. (1939) Dnevnik moikh otnosheniy s toyu, kotoraya teper' sostavlyayet moe schast'e [The diary of my relationship with the one who is now my happiness]. In: Chernyshevskiy, N.G. *Polnoye sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: in 15 v.]. V. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Anon. (1850) Obozrenie russkoy literatury za 1850 god [Review of the Russian literature of 1850]. *Sovremennik*. 25. pp. 33–74.
10. Matskevich, D. (1850) Zapiski o zhenshchinakh [Notes on women]. *Sovremennik*. 20. pp. 52–70.
11. Panaeva (Golovacheva), A.Ya. (1956) *Vospominaniya* [Recollections]. Moscow: Goslitizdat.
12. [Grigor'ev, A.A.]. (1851) Kritika i bibliografiya [Criticism and bibliography]. *Moskvityanin*. 2:2:6. pp. 257–267.
13. Druzhinin, A.V. (1886) *Polen'ka Saks* [Polenka Saks]. St. Petersburg: Izd-e A.S. Suvorina.
14. Avdeev, M.V. (1860) Podvodnyy kamen'. Chast' vtoraya [An underwater rock. Part II]. *Sovremennik*. 84. pp. 103–188.
15. Tur, E. (Salias de Tournemire, E.V.). (1854) Zakoldovannyi krug [A vicious circle]. *Otechestvennye zapiski*. 92. pp. 139–240.
16. Tur, E. (Salias de Tournemire, E.V.). (1851) Dve sestry [Two sisters]. *Otechestvennye zapiski*. 74. pp. 221–292.

17. Romodanovskaya, E.K. (ed.) (2006) *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Glossary of themes and motifs of Russian literature]. Is. 2. Novosibirsk: SB RAS.
18. Bogoderova, A.A. (2011) *Syuzhetnaya situatsiya ukhoda v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka* [The plot situation of leaving in the Russian literature of the second half of the 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
19. Marchenko, A.Ya. (1859) Salamandra [Salamander]. *Otechestvennye zapiski*. 126. pp. 1–98.
20. Marchenko, A.Ya. (1850) Teni proshlogo [Shadows of the Past]. *Otechestvennye zapiski*. 70. pp. 1–64.
21. Marchenko, A.Ya. (1855) Vokrug da okolo. Chast' pervaya [Around and About. Part One]. *Otechestvennye zapiski*. 100. pp. 357–416.
22. N., Ol'ga. (Engelhardt, S.V.). (1853) Derevnya [Village]. *Otechestvennye zapiski*. 90. pp. 1–26.
23. Ponomareva, A.A. (2015) Onegin code in the fiction of the 1850s: statement of the problem. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 99–105. (In Russian).
24. Pecherskaya, T.I. & Nikanorova, E.K. (2010) *Syuzhety i motivy russkoy klassicheskoy literatury* [Themes and motifs of classical Russian literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

Received: 27 November 2015